

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ ТЕКСТА

© 2006 А.А. Припадчев

Воронежский государственный университет

На рубеже XIX–XX веков происходит становление общего языковедения [1, 47–77], или общей лингвистики [12, 31–274] как науки. Она распадается на две части: теорию языка и теорию речи. Как пишет А. А. Холодович, “Соссюру удалось изложить, и при этом дважды, только теорию языка. Теория речи так никогда и не была прочитана. Нам даже неизвестно, каким образом Соссюр собирался развивать эту вторую, важнейшую часть внутренней лингвистики” [14, 22].

Многое для теории речи ожидалось от лингвистики текста. Она ввела в научный оборот сведения об определениях текста, его структурных единицах, содержательных категориях и границах. Однако, по мнению В. А. Звегинцева, в решении проблем частного языкознания лингвистика текста “необъяснимым образом проходила мимо двойственной природы объекта лингвистики. Она также попыталась перешагнуть через нее. И именно тогда, когда она не учитывала разграничения между **языком** и **речью**, она терпела свои самые большие поражения” [5, 234–235].

В течение XX столетия наиболее обсуждаемыми в теории языка были следующие понятия: семиотическая природа языка (различительное означивание), уровни языка (фонологический, морфологический, лексический, синтаксический), отношения единиц языка (синонимия, дублетность, омонимия, антонимия и др.), принципы языка (знаковость слова, произвольность знака, линейный характер означающего), функции языка (коммуникативная и др.).

Важным результатом развития теории языка стало его понимание как системы, обнаруживающейся благодаря структуре, отношениям и функциям ее элементов [7, 86–91; 8, 98–152].

Во второй половине XX века начинает формироваться теория речи. Первый шаг в этом направлении сделала психолингвистика. Она определила предмет теории речи (речевую деятельность) и выявила модели порождения, фазы реализа-

ции и модели восприятия речи [8, 153–167; 4, 388].

Существенным на этом этапе оказалось признание речевых механизмов отличающимися от языковых. По словам А. А. Леонтьева, “современные данные о строении речевой способности... приводят нас к выводу о том, что речевой механизм человека (в широком смысле) организован не как точное подобие модели языка, а иначе — как именно, мы не можем пока в деталях установить, но во всяком случае специфическим образом” [6, 22–23].

Второй шаг в сторону теории речи сделала теория текста [2; 11]. Она установила объект теории речи (текст) и стала осмыслять его как процесс и результат речевой деятельности в аспектах принципа системной организации (коммуникативность), основы системной организации (предметно-знаковая модель), закона системной организации (тенденция к коммуникативности на основе предметно-знаковой модели) [11, 133], синтаксиса, семантики, прагматики, порождения и восприятия [8, 168–181].

Существенным этапом формирования теории речи становится выявление речевой системности (системообразования).

Ясно, что как теория языка, так и теория речи создается при выявлении системности языковых и речевых фактов. Естественным полем взаимодействия языка и речи и выражением потенциальной, моделируемой системы языка и реальной системы речи выступает текст. Покажем на одном из них — на древнерусском тексте “Плача князя Бориса” (Успенский сборник XII — XIII вв. — М.: Наука, 1971. — С. 44) — процесс системообразования в речи через факторы, принципы и результаты этого процесса.

Системообразование в речи, речевая системность и система речи в данных анализируемого текста, “Плача князя Бориса”, описываются через понятия факторов, принципов, моделей, структуры, отношений и функций.

*Факторы (движущие силы, причины)
речевой системности текста*

Фактор центрации речевого пространства.

Данный фактор проявляется в центрации множества денотатов семантическими “фокусами” — значениями оценки, отрицания, противопоставления, лица.

Центрация денотатов семантикой отрицательной оценки (самооценки) выражается серией междометий горестного чувства *оувы — оувы — оувы — “О, горе!”*.

Центрация значением положительной оценки выражается серией аллегорических сочетаний *свете очию — сияние заре лица — наказание недоразоумения* — это вторичные номинации реалии “отец”.

Центрация имплицитной семантикой отрицания обозначается серией вопросительных местоимений и местоименных наречий *къ кому — къде ли — къ кому — “не к кому”, “нигде”*.

Центрация эксплицитным значением отрицания выражается серией отрицательных и усиленных частиц *не — ни — ни*.

Центрация семантикой противопоставления обозначается серией противительных союзов *нъ — нъ — нъ*.

Центрация значением лица выражается серией личных и притяжательных местоимений *мне — ми — мои — “Бориса”*.

Фактор неекторности речевого времени.

Данный фактор проявляется в том, что денотаты не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Неекторность проявляется в распределенности фаз оценки, отрицания, противопоставления, обнаружений лица по имплицитным модусам речевого времени — модусам последовательности “сначала — затем — потом”, модусам перечисления “во-первых — во-вторых — в-третьих”, модусам уточнения “общее — частное” (“общее” — *оувы свете — “О, горе, свет мой!”*, “частное” — *оувы оче — “О, горе, отец!”*, “частное” — *оувы заиде — “О, горе, его уже нет!”*).

Фактор формирования семантического “разреза”. Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном (сверху вниз) развертывании текста семантические “фокусы” многократно соотнесены с одними и теми же денотатами.

Обнаружением такого развертывания текста в плане речевого пространства являются соответствующие семантические “разрезы”:

— аксиоцентрический (*оувы — “отрицательная самооценка”; свете очию — “положительная оценка”*);

— логоцентрический (*къ кому — “имплицитное отрицание”; не — “эксплицитное отрицание”; нъ — “противопоставление”*);

— антропоцентрический (*мне — “Борису”, твоего — “отца”*).

Обнаружением вертикального развертывания текста в плане речевого времени являются:

— отношения последовательности фаз оценки (“сначала” — *оувы свете*, “затем” — *оувы оче*, “потом” — *оувы заиде*);

— отношения перечисления фаз отрицания (*къ кому прибежно — “во-первых” — “мне не к кому пойти”*; *къ кому възрю — “во-вторых” — “мне не на кого посмотреть”*; *къ кому обрати ся — “в-третьих” — “мне некому сказать слово”*);

— отношения уточнения фаз противопоставления (*нъ ни понесохъ — “общее” — “но я не проводил тебя в последний путь”*; *нъ ни съподобленъ быхъ целовати — “частное” — “но я не простился с тобой”*).

Фактор тематической модификации синтагмы. Данный фактор проявляется в том, что семантические “разрезы” несимметрично распределены в соответствии с темой и ремой синтагм (синтагма — предложение, часть осложненного или сложного предложения).

В теме (левая компонента до предикатной синтаксемы) синтагм концентрируется основное количество способов организации семантического пространства (семантических “разрезов”):

— аксиоцентрический (*оувы — (есть) — мне — “О, горе — (есть) — мне!” — “отрицательная самооценка”; свете очию — заиде — “положительная оценка”*);

— логоцентрический (*къ кому — прибежно — “имплицитное отрицание”; не — вель — “эксплицитное отрицание: не знаю”; нъ — мню — “противопоставление: но думаю”*);

— антропоцентрический (*срдце — ми — горить — “сердце Бориса”*).

В реме (левая компонента после предикатной синтаксемы) синтагм явно обнаруживается лишь один семантический “разрез” — антропоцентрический (*насыщю ся разоума — твоего — “отца”; помяни мя въ покои — твои — “отца”*).

Фазы указанных семантических “разрезов” организуются в вертикали текста в соответствии с имплицитными модусами речевого времени — модусами последовательности “сначала — затем — потом”, модусами перечисления “во-первых — во-вторых — в-третьих”, модусами уточнения “общее — частное”.

Фактор сходного означивания. Данный фактор проявляется в том, что на основе центрации речевого пространства, неекторности речевого времени, формирования семантических “разре-

зов”, тематической модификации синтагм в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии релятивов и речевые серии полнозначных синтаксем со сходным означиванием.

В тексте выявляются:

– серия релятивов *моемь – мою – мое* (сходное в означивании – семантика лица), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксем *о биении – кровь – на оубиство* (сходное в означивании – семантика инактивности: денотат лишается жизненных циклов: сон – бодрствование, страх – радость, расцвет – увядание и т. д. [3, 267-368]);

– серия релятивов *къ комоу – къде ли – къ комоу* (сходное в означивании – семантика имплицитного отрицания), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксем *прибегноу – насыщю ся – обрати ся* (сходное в означивании – семантика неверсионности: действие не направлено на объект);

– серия релятивов *нь ни – ни – не* (сходное в означивании – семантика эксплицитного отрицания), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксем *поне сохъ – съподобленъ быхъ – вемь* (сходное в означивании – семантика прогрессирующей неверсионности);

– серия релятивов *твоего – твоего – твоихъ* (сходное в означивании – семантика лица), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксем *разоума – тела – сединъ* (сходное в означивании – семантика прогрессирующей инактивности).

В макротексте (в группе синтагм) элементы серий характеризуются сходным означиванием, выступают фактом речи и важны для текстообразования.

Принципы (основания) речевой системности текста

Принцип нейтрализация локальных значений темпоральными. Под влиянием текста у разнорядных местоимений *то, твоего* этимон “здесь” (авест. *ta* – “этот”) [13] может нейтрализоваться семантикой “тогда”, что подчеркивается глаголами прошедшего времени (*то – “тогда” – ни поне сохъ; ни поне сохъ тела – “тогда” – твоего*).

У слов разных частей речи – союза *нь*, частицы *не* – этимон “там” (др. – лит. *anas* – “тот”) может нейтрализоваться значением “сейчас”, что подчеркивается глаголами настоящего времени (*не – вемь – “сейчас”; нь – “сейчас” – мню*).

В связи с этим между речевыми сериями релятивов на основе разных степеней нейтрализованности конкретных локальных значений абстрактными темпоральными выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии

(результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации разных смыслов единым содержательным “мотивом”. Под влиянием текста смысловая нетождественность слов *оувы – оувы – оувы* и *свете очию – сияние заре лица – наказание недоразоумения* из-за отнесенности их к разным денотатам (*оувы – “Борису”, свете очию – “отец”*) нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими роли обозначений *антропоцентрического* семантического “разреза”.

Смысловая нетождественность серий слов *мне – мне – мне* и *твоего – твоего – твоихъ* из-за связи их с разными денотатами (*мне – “Борису”, твоего – “отца”*) нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими функции выражения *антропоцентрического* семантического “разреза”.

В связи с этим между элементами *оувы – свете очию* и др.; *мне – твоего* и др. обнаруживаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии (результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями. Например, серия *моемь* и др., выражающая антропоцентрический семантический “разрез” отчуждения лица (Святополк намерен убить Бориса), индуцируется речевым классом слов *о биении – кровь – на оубиство*, элементы которого объединяются в силу нейтрализации их языковых показателей речевым релятивным значением прогрессирующей *инактивности*.

Серия *къ комоу* и др., обозначающая логоцентрический семантический “разрез” имплицитного отрицания, индуцируется речевым классом слов *прибегноу – възрю – обрати ся*, элементы которого объединяются по причине нейтрализации их языковых показателей речевыми релятивными значениями прогрессирующей *инактивности* и *неверсионности* (*мне* некуда теперь идти – действие не направлено на объект).

Серия *твоего* и др., выражающая антропоцентрический семантический “разрез” отчужденного лица (*отца Бориса, князя Владимира, не стало*), индуцируется речевым классом слов *разоума – тела – сединъ*, элементы которого объединяются благодаря нейтрализации их языковых показателей речевым релятивным значением прогрессирующей *инактивности*.

В связи с этим между элементами речевого класса как объединения синтаксем разной лексической семантики, разных грамматических признаков и (в других текстах) разных частей речи выявляются речевые системные отношения нейт-

рализации (результат процесса системообразования в речи — уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации языкового различного означивания сходным речевым. У этого процесса два проявления. С одной стороны, разные слова могут выполнять одну и ту же речевую функцию, что ведет, как уже оговаривалось, к одному результату — к речевым системным отношениям функционально-речевой синонимии.

В частности, языковое различительное означивание междометиями оувы — оувы — оувы (категориальное языковое значение — выражение эмоций и чувств) и существительными свет очию — сияние заре лица — наказание недоразумения (категориальное языковое значение — выражение предметности) нейтрализуется в речи выполнением ими одной и той же речевой функции — функции обозначений аксиоцентризации семантического пространства в вариантах отрицательной и положительной оценки.

Языковое различительное означивание междометиями мне — моего — твоих (языковые параметры мне: разряд — личное, категориальное значение — предметность, грамматические признаки — 1 л., ед. ч., Дат. пад., функция — дополнение; языковые параметры моего, твоих: разряд — притяжательные, категориальное значение — признак, грамматические признаки — м. р., ед. ч., Род. пад., функция — определение) нейтрализуется в речи выполнением ими одной и той же речевой функции — функции выражения антропоцентризации семантического пространства в вариантах неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности.

С другой стороны, одно и то же слово может выполнять разные речевые функции, что вызывает системообразующее явление полифункциональности слова и речи, которая ведет к другим системным речевым отношениям — отношениям пересечения, объединения, дополнения.

Например, элемент серии *къ комоу* и др. (языковые параметры: категориальное значение — предметность, грамматические признаки — Дат. пад., функция — дополнение) выполняет следующие речевые функции:

- выражает *логоцентризацию* семантического пространства значением имплицитного отрицания “не” (къ комоу прибегну — “мне не к кому идти”);
- *дальнедействие* объекта в пространстве “там” (къ комоу — “там” — възрю);
- *обратнонаправленное указание* на “известное” (оче ← къ комоу прибегну);
- *прямонаправленное указание* на “неизвестное” (къ комоу → прибегну);
- *ментальность* как запоминание читателем денотата именно этого релятива из-за обилия релятивов в древнем тексте (къ комоу — вспомина-

ем, что это к человеку, усопшему в Киеве, князю Владимиру);

— *рефлексивный регистр* (къ комоу — это к лицу, которое, судя по началу текста, введено в ситуацию горестного эмоционального состояния, — отцу князя Бориса — оче);

— *невекторное время* в модусах “сначала — затем — потом”.

Элемент серии *мне* и др. (языковые параметры: категориальное значение — предметность, грамматические признаки — Дат. пад., функция — дополнение) выполняет следующие речевые функции:

— обозначает *антропоцентризацию* семантического пространства значением лица (оувы — мне — “Борису”);

— *близкодействие* объекта в пространстве “здесь” (оувы — мне — “здесь”);

— *обратнонаправленное указание* на “известное” (борись ← оувы — мне);

— *ментальность* как запоминание читателем денотата релятива из-за обилия релятивов в древнем тексте (мне — вспоминаем, что это человеку, оказавшемуся вдали от Киева и не проводившему в последний путь отца, киевского князя Владимира);

— *рефлексивный регистр* (мне — это лицу, которое, судя по зачину текста, включено в ситуацию горестного эмоционального состояния, — борису);

— *невекторное время* в модусах “сначала — затем — потом”.

Элемент серии *твоего* и др. (языковые параметры: категориальное значение — предметность, грамматические признаки — м. р., ед. ч., Род. пад., функция — определение) выполняет следующие речевые функции:

— выражает *антропоцентризацию* семантического пространства значением лица — “Владимира” — и его отчужденность от жизни (ни понесохъ тела — твоего — “Владимира”);

— *дальнедействие* объекта в пространстве (ни понесохъ тела — твоего — “там”);

— *обратнонаправленное указание* на “известное” (оче ← тела — твоего);

— *ментальность* как запоминание читателем денотата релятива из-за обилия релятивов в древнем тексте (твоего — это князя Владимира, усопшего в Киеве, в то время как его сын князь Борис скорбит о нем на реке Альте под Вышгородом);

— *невекторное время* в модусах “сначала — затем — потом”.

В связи с явлением полифункциональности на уровне слова-синтаксемы и с возможностью синтаксемы входить в разные серии между ними обнаруживаются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения (результат

тат процесса системообразования в речи — уровень, отношения, функции).

Итак, факторами системообразования в речи, судя по тексту “Плача князя Бориса”, являются: центрация речевого пространства, невекторность речевого времени, формирование семантического “разреза”, тематическая модификация синтагмы, сходное означивание.

Принципами системообразования в речи, судя по этому же тексту, являются: нейтрализация локальных значений темпоральными, нейтрализация разных смыслов единым содержательным “мотивом”, нейтрализация языковых значений (категориальных, лексических, грамматических) полнозначных слов речевыми релятивными значениями, нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями) и вытекающий из этого принцип полифункциональности слова в речи.

Однако системообразование в речи через факторы и принципы не выступает самоцелью речеобразования. Цель речеобразования — обеспечить коммуникацию через результат системообразования в речи — конкретный текст.

Вместе с тем не весь текст — речь. В нем есть и несистемные для конкретного случая языковые факты различительного означивания. Поэтому результатом системообразования в речи конкретного текста выступает его речевая системность, которая проявляется через знаковые основы текста — семантико-структурные модели (аксиоцентрическая, логоцентрическая, антропоцентрическая).

Их коммуникативная функция — сопрягать речемыслительные деятельности отправителя и адресата сообщения. Другими словами, модели — это коммуникативные матрицы текста.

Таким образом, исследование факторов и принципов речевого системообразования позволяет прийти к выводу о существовании базового механизма перевода системы языка в систему речи. Это механизм нейтрализации языкового различительного означивания денотатов сходным речевым.

Нейтрализация языкового различительного означивания сходным речевым в исследованном тексте, “Плаче князя Бориса”, представлена многочисленными сериями. Серия — это не парадигма, например, падежей, в которой все члены характеризуются различительным означиванием, это не поле, в котором ядерные и периферийные члены тоже характеризуются различительным означиванием, а множество как упорядоченная последовательность речевых единиц, в котором все члены характеризуются сходным означиванием.

Одним из показателей речевой системности текста “Плача князя Бориса” является закрепленность определенных семантико-структурных “фокусировок” и “разрезов” именно за этим жанром. В частности, жанровомаркирующим, судя по данному и другим текстам, выступает аксиоцентрический способ организации семантического пространства (аксиоцентрическая модель отрицательной оценки как знаковая основа текста).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — М.: АН СССР, 1963. — С. 47-77.
2. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
3. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — Т. I. — С. 267-368.
4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово, текст: Избранные труды / А. А. Залевская. — М.: Гнозис, 2005. — С. 388.
5. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. — С. 234-235.
6. Леонтьев А. А. О предмете психолингвистики // Теория речевой деятельности / А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1968. — С. 22-23.
7. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. / В. Матезиус. — М.: Просвещение, 1960. — С. 86-91.
8. Попова З. Д. Общее языкознание: Учебное пособие для университетов / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. — С. 98-152; 153-167; 168-181.
9. Припадчев А. А. Проблемы исторической лингвистики текста / А. А. Припадчев. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. — С. 8; 543-576.
10. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — М.: Наука, 1967. — С. 25-31.
11. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. — М.: Наука, 1987. — 138 с.
12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — М.: Прогресс, 1977. — С. 31-274.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1964—1973. — Т. I-IV.
14. Холодович А. А. О “Курсе общей лингвистики” Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. Труды по языкознанию / А. А. Холодович. — М.: Прогресс, 1977. — С. 22.

Рецензент — И. А. Стернин.